

Тюмень Михаила Пришвина

В истории Тюмени Пришвин, писатель, философ, путешественник, занимает свое особенное, никем незаменяемое место. Имя его стоит в ряду таких выдающихся сынов тюменской земли, как С.У. Ремизов, П.П. Ершов, И.Я. Слобцов.

Пришвин воссоздал облик Тюмени и судьбы тюменцев, в том числе таких знаменитых, как И.И. Игнатов, И.Я. Слобцов, в своих произведениях, а значит навсегда сделал наш город героем великой русской классической литературы, частью национального и планетарного культурного пространства.

На "капризно-хаотическом" пути по родной земле Тюмень для Пришвина, родившегося в Орловской губернии, а духовной родиной считавшего Петербург, была маленькой, но приметной точкой. Пришвин провел в Тюмени юношеские годы (1889-1892), приезжал сюда уже известным писателем в 1909 г.

В Дневнике на протяжении всей жизни, вплоть до последних лет, Пришвин множество раз обращается к теме Тюмени, пытаясь понять ту роль, которую город сыграл в его судьбе. О Сибири и Тюмени он писал во многих своих произведениях: "Черный араб" (1910), "Заворошка" (1913), "Кашеева цепь" (1928), "Печальный черт, или Ночь перед Рождеством" (1952).

Поездка в Тюмень в 1889 г. стала для шестнадцатилетнего Пришвина первым путешествием: из Ельца, родины писателя, через пол-России, на Урал и в Сибирь. Путешествие стало для него встречей с реальной Азией, которая в "детских грезах и мечтах" виделась ему чудесной и таинственной землей свободы и счастья - "новой Америкой".

В страну мечты Пришвин вместе с тремя товарищами пытался убежать уже в первом классе гимназии. Друзья отправились туда на лодке по реке Сосне. Путешествие оказалось коротким и неудачным. "В душе отчаяние, что Америки нет", - писал впоследствии Пришвин. Побег в "Америку" гимназиста Пришвина поддержал только учитель географии, великий русский писатель и философ В.В. Розанов, слова которого "Это хорошо, это необыкновенно" крепко запали в душу юного Пришвина.

Страну мечты - "страну без имени, без территории", куда ведет разве что волшебный колобок, Пришвин называл по-разному:

Азию и Америку сменили страна непуганых птиц, град Китеж, Берендеево царство, Дриандия, Журавлиная родина, Невидимая Россия. Пришвин не переставал искать и творить эту страну в течение всей жизни. Этой важнейшей чертой своего творчества он причастен к национальной русской традиции искания Града Невидимого, традиции правдоискательства, народного странничества и интеллигентского скитальчества.

"Чувство дали" и путешествия по России (в Тюмень и Сибирь, на русский Север, к Светлому озеру и граду Китежу, в Крым, на Урал, на Дальний Восток, по планете Земля вокруг Солнца) во многом предопределили человеческую и творческую судьбу Пришвина. Странствия, как когда-то Ап. Григорьев, он ценил за возможность почувствовать себя в дороге "в руках Божьих, а не человеческих".

Путешествие - "пост на все привычное", по словам писателя, стало для него особым творческим поведением. Разрывая связи с привычным, путешественник, считал Пришвин, восстанавливает подлинную, глубинную целостность жизни, возвращается к истинной сущности мира и самого себя. Путешествие было для него и средством "узнать свою родину", и проверкой своих сил, постижением собственного "я".

Таковыми оказались для Пришвина и оба путешествия в Азию, в Сибирь (в 1889 и 1909 гг.). Встреча с реальной Азией, которую он назовет колыбелью человеческого рода, стала для него подлинным ликованием. В романе "Кашеева цепь" он пишет об этом: "И как же вдруг сердце запрыгало: вот наконец-то она, желанная Азия... куда хотелось давно убежать, открывать забытые страны, - то нельзя было попасть в нее с ужасным усилием воли, а то вот стоял себе на площадке вагона, и Азия сама пришла. Радость переливается через край, хочется непременно с кем-нибудь поделиться...".

Открывая для себя новую землю, Пришвин увидит: "Сибирь - богатейшая страна. Сибирь - необъятное пространство. Сибирь - золотое дно, страна обетованная". "В Сибири все можно", - скажет в романе "Кашеева цепь" Иван Астахов, прототипом которого послужил дядя Пришвина И.И. Игнатов, крупнейший тюменский пароходовладелец. Пришвин поймет, что жизнь человека в азиатской части России разительно отличается от хорошо известной ему европейской. "Беда тому, кто приедет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них - сто, у нас - двадцать, у них - двести и т.д."

Пришвин откроет для себя "великую сибирскую тайгу" и "великую сибирскую степь": "На весь мир раскинулась степь, но совсем не такая, как у Кольцова, желтая, с низенькой, глазу неотличимой от песка травкой, - это бесконечная, как океан, глазастая степь-пустыня".

Великой неосвоенной пустыней, заселенной свободными, дерзкими и смелыми людьми, землей богатейших и нераскрытых возможностей предстает Сибирь Пришвину в начале XX в. Однако чудесной страны мечты ("Пойдешь на восток с верой в сердце, найдешь белые воды и на белых водах золотые горы") он здесь не найдет. Сибирь, таким образом, будет для него навсегда связана с важнейшей личностной и писательской темой обреченности человека на поиск "земли обетованной" и невозможности ее обретения.

Взамен мечты Пришвин находит в Сибири формулу русской жизни. Она рождается в его сознании во время переправы через Иртыш на "самолете" (так назывался "плот с колесами, как у парохода"), заполненном людьми, животными и повозками. Пришвин создает поистине библейскую картину великого переселения народов: "Плот кружится, все, кто близко, лупят нагайками усталых, изморенных лошадей, вертящих колесо самолета. Многие животные падают, одни покорно плывут рядом с плотом, другие, сильно фыркая, пробуют опять забраться на плот, и все вместе, и масса животных, и безобразно орущая масса людей, как будто все нарочно стараются поскорее разломить плот и все затопить, но плот все плывет и плывет через огромную реку".

Так в сознании Пришвина и рождается вечная, видимо, и очень созвучная нашему времени формула русской жизни: "Россия. Бесформенность, хаос и все-таки лик. Вот-вот потонем. Но плот все плывет".

Впервые в Тюмени Пришвин появился, когда был исключен из Елецкой гимназии после ссоры с В.В. Розановым, чтобы продолжить образование в Александровском реальном училище, втором, после Томского, в Сибири. Государственный архив Тюменской области сегодня хранит немало материалов, связанных с учебой Пришвина.

В Дневнике 1918 г. Пришвин так вспоминает о трех годах, проведенных в Тюмени: "Мой сибирский дядя Иван Иванович Игнатов, пароходный делец, берет меня к себе в Тюмень. Я - племянник богатейшего человека. Учусь в реальном не увлекаясь, ни хорошо, ни плохо. Стараюсь сходиться с учениками старших клас-

сов и у них выхватить умнейшую книгу (Бокля, Спенсера). Директор И.Я. Словцов - естественник, нигилист, материалист. Слывет за умнейшего человека".

Тюменский период жизни Пришвин описал в автобиографическом романе "Кашеева цепь", в третьем его звене "Золотые горы". Прототипами героев романа стали исторические лица: И.И. Игнатов, И.Я. Словцов, классный наставник Пришвина Я.И. Миллер, отец Иоанн (Лепехин) и др.

Купеческо-торговая и культурная Тюмень конца XIX в. живет в романе то в "стиле сибирской тайги", то в "стиле сибирских степей". Оба стиля вызывают изумление и юного героя романа Алпатова, и автора, описывающего эти стили в голодные 1920-е годы, и современного читателя. Так, Иван Астахов принимает гостей в своем доме "небывалом" по случаю поступления племянника в Александровское реальное училище в "стиле сибирской тайги": "На большом столе целая бочка с икрой, обложенная кедровыми шишками и потом дальше аршинными навагами, осетрами, стерлядями, нельмами; там дымились горячие пельмени; из кедровых темно-зеленых веток выглядывали бутылки". "Главным блюдом ужина в "стиле сибирских степей" был "целый жареный баран с букетом ковыля во рту".

Пароходчик Иван Астахов выстроил себе "двухэтажный дом с вышкой, огромный, неуклюжий и мрачный, ни на что не похоже: ни дом, ни корабль - с танцевальной залой, люстрами и канделябрами на стенах. Внизу двенадцать комнат и вверху столько же, на вышке - солнечные часы, лейденская банка и подзорная труба - смотреть в степь на пароходы и на пожары". Дом окружен тополями, к пристани ведут деревянные мостки. Юному Алпатову дом кажется похожим на речной пароход.

С реальным домом И.И. Игнатова в Тюмени на берегу Туры (современный адрес: ул. Госпаровская, д. 41), который, к сожалению, давно разрушен, в жизни Пришвина связано событие, во многом предопределившее его писательскую судьбу. Во всяком случае в Дневнике он вспоминает о нем на протяжении всей жизни. Событие это было самое простое: юноша сидел у окна, а на подоконник прилетела и села обыкновенная синица. "Я вдруг почувствовал какую-то нашу связь с этой синичкой, - писал Пришвин в Дневнике 1951 г., - как будто синичка была вся природа и я был весь человек. Слова эти грубы и ничего не значат. Но чувство было так сильно, что встреча с этой синичкой осталась на всю жизнь как загадка и как задача в процессе жизни выразить в этом себя самого".

Пришвин не раз писал в Дневнике также о том, что из этого события, из глубочайшего мистического переживания, "развилось" его чувство родственного внимания к миру и вся его литература. В Дневнике 1939 года, например, читаем: "Мысли-чувства в детстве-юности, из которых потом развивается душевная жизнь - это было, первое: в Тюмени (мне 19 лет) синичка на окне и мое необычайное волнение при виде ее, волнение от чувства связи их мира и нашего и что синичка эта есть во мне самом. Из этого развилось мое чувство родственного внимания и вся моя литература".

С Тюменью, таким образом, он связывал рождение одной из главных тем своего творчества - темы человека и природы, благодаря которой он известен в мире как "великий писатель-эколог" (К. Янович-Страда).

Второй раз Пришвин был в Тюмени всего несколько дней (3-5 августа) во время своего сибирского путешествия 1909 г. В Дневнике писателя есть об этом запись: "Тюмень. Приехали ночью. На вокзале. Вспомнил два забытых имени товарищей. В Петербурге не вспомнил бы. Значит, в этом месте вспоминается и переживается по неизвестным причинам забытое, значит, есть и такое место, где можно вспомнить все. Тюмень низенькая... запах пристани".

Очевидно, что Тюмень связана с еще одной важнейшей темой творчества Пришвина - темой воспоминания, особенно значимой для двух книг писателя: "У стен града невидимого" и "За волшебным колобком". Воспоминание, по Пришвину, - путь "к разгадке всего великого мира", "возвращение к себе первоначальному", к "довременному бытию" человека и человечества. Так в творчестве писателя воссоздается ситуация, когда человек постигает и переживает Божественный зов, обращенный к нему. Философ Б.П. Вышеславцев пишет об этом в книге "Вечное в русской философии": "Призыв благодати воспринимается как "воспоминание" о чем-то родном, своем и забытом, об утраченной небесной родине".

Не исключено, что Пришвин, увидев в Тюмени город, где "вспоминается и переживается по неизвестным причинам забытое", разгадал судьбу и предназначение нашего города с его более чем четырехсотлетней историей - бережно и терпеливо хранить память о первоосновах, о древнем и вечном.

Очевидно, что историю культурной Тюмени невозможно понять без Пришвина, однако его жизнь и творчество, безусловно, больше тюменской темы.